

формы ж. р. относятся к равновероятным в употреблении, в то время как в словаре-справочнике они охарактеризованы как редкоупотребительные (0,075). Такое расхождение может быть объяснено только поддержкой вариантов ж. р. русской речи соответствующими формами белорусского языка (*жырафа, вяргіня, буца, тапачка, сандаля, плацкарта* и др.).

В русской речи белорусов-билингвов интерференционные родовые варианты типа *рельс* — *рельса* редкоупотребительны. Такие формы, как *сандаля* (ж.), *мангу́ста* (м.), *мангу́стия* (ж.), *георгиня* (ж.) *георгинь* (м.), *георгинь* (ж.), *ставень* (ж.), отмечены в единичных случаях у рабочих, студентов-нефилологов, студентов-филологов белорусского отделения. Исключение составляют варианты *сандаля* (м.) — *сандаля* (ж.), которые широко представлены в речи испытуемых всех профессиональных групп, кроме филологов (0,093). Количественные показатели интерференционных форм по шкале убывания характеризуются следующими соотношениями: рабочие — 0,075; студенты-филологи русского отделения — 0,054; студенты-нефилологи — 0,052; служащие — 0,039; студенты-филологи белорусского отделения — 0,037; филологи — 0,034.

Наблюдения показывают, что в русской речи белорусов-билингвов процесс вытеснения родовых форм ж. р. соотносительными формами м. р. сдерживается влиянием белорусского языка. В речи белорусов пяти профессиональных групп вариант ж. р. является равновероятным в употреблении наряду с вариантом м. р.

Отклонения от норм литературного языка, связанные с использованием родовых вариантов имен существительных типа *рельс* — *рельса*, — следствие действия неравнозначных механизмов в сознании носителей русского языка в Белоруссии (дифференциации и гипердифференциации), которое приводит к широкому употреблению в русской речи белорусов просторечных родовых форм.

Выявлены две полярные группы (рабочие и филологи), в речи которых, в зависимости от социально-профессионального фактора, наблюдается наибольшее (и наименьшее) отклонение от норм русского литературного языка.

¹ Мы считаем, что вариант с пометой «устаревший» соответствует традиции книжной нормы.

² Граудина Л. К. Вопросы нормализации русского языка: Грамматика и варианты. М., 1980. С. 125, 126.

³ Граудина Л. К., Ицкович В. А., Катлинская Л. П. Грамматическая правильность русской речи: Опыт частотно-стилистического словаря вариантов. М., 1978. С. 69.

М. П. КАРПОВИЧ

СТИЛИСТИЧЕСКАЯ СТРУКТУРА СЛОВООБРАЗОВАТЕЛЬНЫХ ТИПОВ СО ЗНАЧЕНИЕМ ЛИЦА В РУССКОМ И БЕЛОРУССКОМ ЯЗЫКАХ

Типологическая классификация славянских языков на словообразовательном уровне представляет собой многоаспектную проблему, научное решение которой возможно лишь при наличии внутрисистемных и межсистемных исследований (бинарных) в пределах территориальных языковых групп. Результаты таких исследований составляют базовую основу сопоставительно-типологического изучения славянского словообразования¹.

Предмет нашего анализа — коннотативный аспект русского и белорусского именного словообразования, мало изученный в системе одного языка и не изученный в межсистемном сопоставлении. Главное внимание мы обращаем на такие вопросы, как роль словообразующих средств в создании эмотивно-оценочной и стилистической характеристик производной номинативной единицы, общность и национально-языковая

специфика коннотации в ее отношении к словообразовательному типу в целом и к отдельным его семантическим группам, конкретным лексическим реализациям. Коннотация рассматривается нами как компонент семантики языковых единиц, выражающий эмотивно-оценочное и стилистически маркированное отношение субъекта речи к действительности, как средство экспрессивной окраски номинативных единиц².

Для словообразовательно-стилистического сопоставления взяты словообразовательные типы (СТ) со значениями «лицо — носитель процессуального признака», «лицо — носитель признака», «лицо — носитель предметного признака», выраженные формантами *-щик/-чик*, — бел. *-шчык/-чык* и *-ец(-овец)* — бел. *-ец(-овец)/-ац(-авец)*. Одинаковые словообразовательные связи суффиксов с тем или иным типом основ внутри системы обеспечили межсистемную общность анализируемых СТ — отглагольных, отадективных, отсубстантивных. Типы обоих языков являются продуктивными в семантическом микрополе лица.

Говорить о коннотативных свойствах словообразовательного типа в целом, даже в пределах одного языка, можно лишь в общих чертах³. Более конкретно и системно эти свойства проявляются в семантически ориентированных группах (подтипах), на которые членятся СТ. Формальная и семантическая регулярность отношений мотивирующих и мотивированных слов в таких группах позволяет применить к их образованию термин словообразовательная модель (СМ), который в научном обиходе используется, как правило, в том же значении, что и словообразовательный тип. Стилистическая регулярность модели, т. е. производство по ней стилистически однородных номов, дала возможность квалифицировать такую модель как словообразовательно-стилистическую (ССМ) — разговорную, книжную, разговорно-оценочную, эмотивно-оценочную, межстилевую и др.

Анализ СТ на *-щик/чик* — *-шчык/-чык* с учетом семантической ориентации дериватов выявил в их стилистической структуре общие и индивидуальные ССМ.

Так, в СТ всех микросистем (глагольной, адективной, субстантивной) действуют СМ межстилевые и нейтральные, в семантике деривата которых отсутствует эмотивно-оценочный компонент. По ним образуются слова со значением «лицо — носитель профессионального признака»: *штамповщик* — *штапоўшчык*, *эмалировщик* — *эмаліроўшчык*, *наладчик* — *наладчык*, *крановщик* — *кранаўшчык*, *весовщик* — *вагаўшчык*, *экскаваторщик* — *экскаватаршчык*. Дериваты детерминировались, не имеют в речи конкурирующих коммуникативных эквивалентов, которые составляют номинативный ряд. Словарные дефиниции типа «тот, кто работает (на чем-нибудь), занимается (чем-нибудь)» для данной группы слов такими эквивалентами, как правило, не выступают⁴. Их единственность в номинативной системе обоих языков, как и большинства названий лиц по специальности, обеспечивает им межстилевое употребление. Словообразовательно абстрагированный суффикс *-щик/-чик* — *-шчык/-чык* и нейтрально-оценочная мотивирующая база обусловили нейтральность своих производных. В межсистемном сопоставлении анализируемые модели отличаются отдельными лексическими реализациями, относящимися к разным СТ, стилистически же равноценными: *сплавщик* (леса) — *плытагон*, *плытнік*, *грунтовщик* — *грунтавальнік*, *жестящик* — *бляхар*, бел. *даглядчык* (живёлы) — *скотник*. Правда, в последних двух разнотипных парах вторые компоненты отличаются от своих иноязычных эквивалентов сигналом неблагозвучия, природа которого, на наш взгляд, ассоциативно-образная, внутрисистемная для слова *скотник* и внесистемная, связанная с функциональным билингвизмом, для слова *бляхар*. Заметим, что активность СМ на *-щик/-чик*, в первую очередь русской, обусловленная, с одной стороны, свойством данного суффикса гораздо ярче выражать значение активного деятеля по сравнению с другими морфами агентивного значения⁵, с другой — социальная потребность в точной квалификации деятеля в связи с

дифференцированностью производственных процессов привела к появлению такой группы узко специальных рабочих наименований, которые вызывают у носителя языка отрицательные эмоции не по отношению к денотату, а по отношению к его имени (*вивищик* колец, *отломщик* стекла, *просевищик* бисера, *обсыпщик*, *обрывщик*, *разметчик* хлыстов, *разводчик* холяв, *опрокидчик*, *авербандщик*, *аквадировщик*)⁶.

В группе профессиональных названий лица можно выделить отсубстантивную ССМ — разговорную, непродуктивную, по которой возникли единичные номемы (*радикулитчик* (врач) — *радыкулітчык*, русск. *цитовидчик*, *удареничик*), не имеющие однословных белорусских соответствий, что объясняется национальной спецификой производящих эквивалентов.

В отглагольном СТ определилась эмотивно-оценочная, межстилевая, общая для сопоставляемых языков модель. По ней производятся слова со значением «лицо — носитель процессуально-оценочного признака»: *прогульщик* — *прагульшчык*, *халтурщик* — *халтуршчык*, *обманщик* — *падманишчык*, *подговорщик* (разг.) — *падгаворшчык* (разг.), *падбухторшчык* (разг.) — *подстрекатель*. Коннотативный смысл этим дериватам передан главным образом мотивирующими словами, хотя формант здесь тоже стилистически значим. Он интенсифицирует эмотивную семантику производящих в производной личной номеме, приобретая при этом контекстуальную эмотивную маркированность. Суффикс лица усиливает воздействующую способность языковых единиц. (Ср. коннотативную семантику, ироническую, у слова «перестройщик», появившегося в газетных текстах, при позитивной оценочности производящего слова «перестройка». Природа коннотации здесь, на наш взгляд, больше ассоциативная, чем словообразовательная). Отдельные дериваты анализируемой эмотивной модели имеют в словарях стилистическую помету «разг.». В отношении белорусского слова «падбухторшчык» такая помета неправомерна: сфера его функционирования — публицистика, где этим словом выражается эмоциональное неодобрение антиобщественной деятельности.

В отглагольном СТ можно выделить нейтральную, межстилевую модель, по которой образуются личные номинации со значением «лицо — носитель процессуально-нейтрального признака»: *докладчик* — *дакладчык*, *заказчик* — *заказчык*, *подписчик* — *падпісчык*, *советчик* — *дарадчык*. Дериваты мотивированы глаголами и отглагольными существительными.

В отсубстантивном и отаггективном СТ действуют стилистические модели, пополняющие арсенал разговорных средств. Мотив создания номинаций по этим моделям — прагматический: стремление экономно обозначить лицо по отношению к предмету, названному существительным или словосочетанием существительного с мотивирующим прилагательным: *газетчик* — *газетчык*, *университетчик* — *універсітэтчык*, *инструментальщик* — *інструментальшчык*, *подземщик* — *падземшчык*, *калийщик* — *калійшчык*, *пансионатчик* — *пансіянатчык*, *санаторщик* — *санаторшчык*, *кавээщик* — *кавээшчык*, русск. *деревеник* (писатель) и др. Стилистическая маркированность этих дериватов как разговорных оттеняется их смысловыми эквивалентами в официальной речи. Это номинации детерминирующей формы, составляющие вместе с однословными производными (номинациями словообразующей формы) двухкомпонентный номинативный ряд: *газетчик* — работник газеты, *калийщик* — работник калийного предприятия, *санаторщик* — отдыхающий в санатории. Кроме того, разговорность отдельных образований данной модели подчеркивают их межстилевые словообразовательные варианты-синонимы: *аноним* — *анонимщик* (*ананім* — *ананімішчык*), *продавец* — *продавщик* (*прадавец* — *прадайшчык*), *газовик* — *газовщик* (*газавік* — *газаўшчык*) и др. Вариантные словообразования с суффиксом *-щик/-чик* — *-шчык/-чык* продиктованы стилистическим мотивом — «игрой с языком»⁷.

(Ср.: В то возбужденное внимание, которым окружена история смерти Льва Толстого, «кинематографщики» уже три четверти века вносят свою «лепту», и скромностью она не отличается... Еще и удивительно, что при таком потоке «материала» не сделали кинематографисты целой коллекции сериалов по этой теме. Но Герасимов не дает связной истории этого завешания, то есть он уходит от того, что на его месте сделал бы любой хваткий «киношник»... (Л. Аннинский. Ясная поляна. Астапово. Вечность). Разговорная ССМ продуктивна в обоих языках: командировщики (А. Вознесенский), ахинеящики (С. Иванов), дас'еичыкі (Р. Барадулін), кінжальшчыкі (У. Караткевіч).

Такого рода «игра» со словообразовательными моделями приводит к появлению в семантике слова эмотивных сем, что в целом способствует языковой выразительности.

Анализ стилистической структуры СТ на *-ец(-овец) — -ец(-овец)/-ац(-авец)* позволяет констатировать их большую стилистическую разнородность. Так, в отсубстантивном СТ четко определились ССМ: а) эмотивно-оценочная (преимущественно пейоративная), возникшая на базе качественных прилагательных: *скупец — скупец, поганец — поганец, безумец — шаленец*, русск. *лукавец, мерзавец, плюгавец*, бел. *зласлівец, чужынец, нядобразычлівец*. По продуктивности модели сопоставляемые языки не уступают друг другу. Это объясняется наличием в обоих языках широкого круга словопроизводящих основ. Эмоционально-оценочная установка лексических единиц данной модели придает ей соответствующий стилистический статус — актуальность в разговорном и публицистическом стилях; б) нейтральная, разговорно-обиходная с мотивирующей базой — относительными прилагательными: *марафонец — марафонец, мартеновец — мартэнавец*, бел. *навуковец, пачатковец, дазорац*, появившиеся недавно, не имеющие в русском языке словообразовательно однотипных коммуникативных соответствий. В системе другого языка такие лакуны восполняются номинативными единицами не словообразующей формы, входящими в номинативный ряд, общими по дескриптивному компоненту, но отличающимися стилистической ориентированностью. Модель малопродуктивна, так как мотивирующая база — относительные прилагательные — не отличается большой способностью производить аффиксальным способом слова со значением «лицо — носитель признака».

В отсубстантивном СТ стилистически актуальной является модель разговорно-обиходных, эмотивно нейтральных образований, именующих лицо по его отношению к организации, учреждению, учебному заведению, мировоззренческому направлению: *динамовец — дынамавец, спартаковец — спартаковец, толстовец — талстовец, елизаветинец — елизаветінец*, русск. *огоньковец, известинец*, бел. *вожыкавец, звяздовец, купалавец* и др. Особую активность здесь проявляют аббревиатурные основы: *филфаковец — філфакавец, журфаковец — журфакавец, райкомовец — райкомавец, белтовец — белтавец, гомсельмашевец — гомсельмашавец*. (Ср. в Словаре новых слов и значений: *лэповец, мехотрядовец, саваковец* (САВАК, тайная полиция в Иране), *фэбээровец, оасовец, нотовец, цехкомовец, атоммашевец*). Ряды таких образований в обоих языках открытые. Стилистические качества производных данной модели имеют внешнее соизмерение: они хорошо проявляются на фоне других компонентов номинативного ряда, ориентированных на официальное употребление (ср. *райкомовец* — работник райкома). Однословные личные субстантивы активно вовлекаются в процесс неофициальной (разговорно-обиходной) коммуникации. Здесь, как нам представляется, стилистическая маркированность заключается не в словообразовательных средствах деривата, а в его структурной индивидуальности в составе номинативного ряда. Заметим, что некоторые однословные единицы стали уже общеупотребительными: *комсомолец — камсомолец, стахановец — стаханавец*.

Отглагольный СТ объединяет самую разнородную в стилистическом

отношении группу слов в русском и белорусском языках, мотивированную глаголами, страдательными причастиями, отглагольными существительными на *-ение* — *-енне*, *-энне*, *-нне* (*примирение* — *прымірэнне*, *обновление* — *абнаўленне*, *сражение* — *змаганне*). Это слова нейтральные, общеупотребительные (*продавец* — *прадавец*, *косец* — *касец*, русск. *купец*, *торговец*, бел. *выдавец*, *кравец*); эмотивно-оценочные (русс. *лжец*, *делец*, *оборванец*, *лстец*, бел. *запраданец*, *мсцівец*, *ашуканец*); книжные (русс. *иждивенец*, *приверженец*, бел. *адрачэнец*, *змаганец*); высокие (*творец* — *тварэц*, *творца*, *певец* — *пясняр*); окказиональные (русс. *икалец*, *ёкалец*, *болелец*, *рыдалец*, бел. *замолец*). Выделить здесь стилистические модели как образцы для регулярного пополнения стилистических средств той или иной маркированности не представляется возможным. В межъязыковом сопоставлении отглагольные СТ отличаются материальным нетождеством смысловых эквивалентов: многим русским девербативам в белорусском языке соответствуют кальки, полукальки. Имеются расхождения, по данным словарей, в стилистической маркированности отдельных общих дериватов: *голодранец* (прост.) — *галадранец* (разг.), *ободранец* (прост.) — *абадранец* (разг.). На наш взгляд, белорусские номинации нуждаются в стилистической переоценке из разговорных в просторечные. Необходимость разграничивать разговорные и просторечные элементы в белорусском литературном языке диктуется высоким уровнем современной национально-языковой культуры.

Таким образом, самый общий анализ стилистической структуры словообразовательных типов позволяет выявить прежде всего внутрисистемные особенности: стилистическую роль производящих слов в зависимости от их частеречной принадлежности, словопроизводной активности, семантической структуры; функцию форманта в создании, развитии эмосемы деривата, в стилистической ориентации модели, контекстуальный характер форманта; значение внешних факторов в стилистическом соизмерении деривата (наличие конкурирующих речевых единиц — компонентов номинативного ряда, словообразовательных вариантов-синонимов); соотносительность стилистических характеристик с частными словообразовательными значениями типа.

Межсистемное сопоставление констатирует большей частью общие закономерности словообразовательно-стилистических отношений, но раскрывает и их языковое своеобразие. Это различия в дистрибуции суффиксов, связанные как с национальной спецификой производящей базы, так и с их собственной активностью; в словопроизводных способностях основ, во внутренней форме деривата, являющейся составной частью коннотативного смысла. Они приводят к перераспределению межъязыковых смысловых эквивалентов по словообразовательно-стилистическим моделям, а также являются причиной стилистических лакун в одном из сопоставляемых языков.

Анализ стилистической структуры СТ с другими суффиксами во внутрисистемном и межсистемном сопоставлении позволит представить семантическое микрополе лица в виде моделей (реальных, потенциальных) и выявить словообразовательные возможности языков в совершенствовании стилистических систем.

¹ См.: Вендина Т. И. О некоторых аспектах сопоставительного изучения славянского именного словообразования // Советское славяноведение. 1986. № 6.

² См.: Телия В. Н. Коннотативный аспект семантики номинативных единиц. М., 1986.

³ См.: Русская грамматика. М., 1980. Т. 1; Беларуская граматыка. Мінск, 1985. Ч. 1.

⁴ См.: Никитевич В. М. Основы номинативной деривации. Минск, 1985. С. 122.

⁵ См.: Виноградов В. В. Русский язык. М., 1972. С. 83.

⁶ См.: Литературная газета. 1987. 26 марта.

⁷ Шаховский В. И. Категоризация эмоций в лексико-семантической системе языка. Воронеж, 1987. С. 137.